

1. Анархический террор во время Гражданской войны

Обычная карикатура на анархиста – бородатый человек с бомбой в одной руке и винтовкой в другой. В воображении публики слово «анархист» больше столетия было почти синонимично слову «террорист».

Даже серьёзные исследователи часто были склонны подчёркивать склонность анархизма к насилию и террору. Так, покойная Барбара Такман в своей книге «Башня гордыни» начинает 50-страничную главу о европейских анархистах перед Первой мировой войной с фразы: «Картина безгосударственного общества, без правительства, без закона, без владения собственностью, где, как только прогнившие учреждения будут сметены, человек получит свободу быть добродетельным, каким и замышлял его Господь, оказалась настолько чарующей, что во имя этой цели шесть глав государств были убиты за двадцать лет, предшествовавших 1914 г.»¹. Глава посвящена преимущественно актам насилия анархистов и ответным актам насилия против них.

Я надеюсь, настоящая книга доказывает, что это не является корректной характеристикой испанских анархистов. Тем не менее остаётся вопрос о том, в какой степени испанский анархизм – помимо того, что он был движением, стремившимся к глубоким социальным, экономическим и политическим преобразованиям, – применял террористические методы, в особенности в период Гражданской войны.

Традиции насилия в испанском анархизме

Не может быть сомнений в том, что в испанском анархическом движении существовала традиция насильственных действий и даже терроризма. По-видимому, она имеет два источника происхождения: один – в самой Испании, другой – в международном анархическом движении, возникшем во второй половине XIX века.

Франц Боркенау во время Гражданской войны высказывал следующее мнение:

“ «Восстание андалусского крепостного в восемнадцатом столетии приняло форму широкого и неискоренимого бандитизма, который привлекал самые

активные элементы крестьянства и был в глазах масс не преступным, а напротив, завидным, почётным и даже вызывающим восхищение делом... В Испании эти элементы встречают не больше осуждения – которому они подверглись бы в странах, цивилизованных в западном понимании, – чем революционные банды в Китае или царской России. В представлении первобытного крестьянства существует глубокое различие между человеком, который преступными действиями нарушает солидарность самой крестьянской общины, и человеком, который, с помощью разбоя и убийства отстаивая собственные права перед богатыми и могущественными, помогает общему делу угнетённых. Первого, вора или душегуба, обокравшего или убившего крестьянина, без колебаний выдали бы полиции, или с ним расправились бы те, кто понёс из-за него потерю. Второго будут защищать бедняки по всей округе»².

Однако был и другой аспект исторической традиции насилия в испанском анархическом движении. Это была идея «пропаганды действием», принятая в последние десятилетия XIX века частью международного анархизма. Она заключалась в том, что можно способствовать приближению революции, совершая вооружённые нападения на ключевые институты капиталистической системы, такие как банки, и устраняя важнейших представителей существующего режима.

Использование насилия и, в частности, террора было предметом частых споров между лидерами международного анархизма в течение пятидесяти лет, предшествовавших Гражданской войне в Испании. Одно из рассуждений по этому вопросу принадлежит итальянскому анархисту Луиджи Фаббри, писавшему в начале столетия. Его идеи представляли собой точку зрения значительной части анархических лидеров в разных странах:

“ «Можем ли мы заключить, что анархисты всегда неодобрительно относятся к насилию, если речь идёт не о защите, а об индивидуальном или коллективном нападении, единичном и случайном? Вовсе нет, и любой, кто захочет приписать нам подобную нелепую идею, будет глупцом и злоумышленником. Но также глупцом и злоумышленником будет тот, кто, с другой стороны, захочет утверждать, что мы выступаем за насилие всегда и невзирая на потери. Насилие, хотя оно само по себе находится в противоречии с анархической философией, поскольку всегда подразумевает боль и слёзы и так или иначе вызывает у нас печаль, может быть вызвано необходимостью, но если было бы непростительной слабостью осуждать его, когда оно необходимо, то его применение также было бы гнусным, когда оно неразумно, бесполезно или осуществляется способом, который противоречит предлагаемому нами».

Далее Фаббри указывал границы использования террористических методов:

“ «...В России все нападения на правительство и его представителей и приверженцев оправдываются даже нашими противниками или самыми умеренными сторонниками, даже когда от них временами страдают невинные люди; но, без сомнения, те же самые революционеры не одобрили бы нападений, если бы они были совершены вслепую на людей, проходящих по улице или безобидно сидящих в кафе или театре»³.

Использование террора имело своих сторонников и в анархическом движении Испании. Вероятно, наиболее известной группой, применявшей эту тактику в 1920-е гг., были «Мы» (первоначально известные как «Солидарные»), куда входили такие видные фигуры, как Буэнавентура Дуррути, Хуан Гарсия Оливер, Рикардо Санс, Франсиско и Доминго Аскасо, Грегорио Ховер, Мигель Гарсия Виванкос и Аурелио Эрнандес. Большинство из них впоследствии стали ведущими анархическими деятелями времён Гражданской войны.

В 20-е гг. группа «Мы» совершила несколько громких террористических актов. Одним из них было ограбление Банка Бильбао с целью получить средства для анархического подполья, совершённое Дуррути и Ховером. Другим было убийство Хуана Сольдевиллы, кардинала-архиепископа Сарагосы.

Одним из самых значительных террористических действий испанских анархистов стало убийство премьер-министра Эдуардо Дато в апреле 1922 г. Дато был особенно ярым сторонником подавления анархического рабочего движения, НКТ.

Мотивы этих анархических элементов были определённы «политическими», а не личными. Когда они убивали полицейского или высокопоставленного правительственного или церковного сановника, это совершалось не ради личной мести, а скорее в качестве «урока» для тех лиц, которые, как считалось, с особенной жестокостью эксплуатировали трудящихся. Когда они грабили банк, они делали это не для себя, а для движения. Один испанский очевидец, долгое время знавший барселонских анархистов, включая людей, которые участвовали в такого рода мероприятиях, и не одобрявший их действий, говорил мне, что люди, укравшие полмиллиона песет из банка, продолжали жить скромно и очень бедно в своих рабочих районах⁴.

С падением монархии и установлением Второй Испанской республики крайние анархические элементы, в предыдущий период практиковавшие политические убийства и ограбления банков, перешли к другим методам работы. В первые годы Второй республики анархисты подняли несколько восстаний под лозунгом либертарного коммунизма в различных районах страны, особенно в Каталонии. Они больше не использовали тактику «пропаганды действием» как средство подрыва существующего режима.

В любом случае, те участники испанского анархического и анархо-синдикалистского движения, которые, даже в разгар подобной активности, занимались планированием и

совершением ограблений, убийств и тому подобных предприятий, находились в незначительном меньшинстве, хотя это меньшинство включало многих наиболее выдающихся предводителей движения. Число практиковавших «пропаганду действием», вероятно, никогда не превышало нескольких сотен человек.

Значительное большинство либертариев в Каталонии, Леванте, Мадриде и Астурии были рабочими, которым часто приходилось вести упорную борьбу за улучшение своих условий труда и жизни. Их вдохновляла идея революции, которая привела бы их к обществу без репрессивных учреждений государства, без правящего класса, обществу, где сотрудничество заменит принуждение. Конечно, для анархистов такое новое общество выглядело гораздо более достижимым, чем те социальные изменения, которые предсказывались по преимуществу реформистскими социалистами.

В тех регионах Испании, где основные силы либертариев находились на селе, а не в больших и малых городах, включая Андалусию, Эстремадуру и часть Арагона, положение было несколько иным. Жестоко эксплуатируемые и живущие в нищете крестьяне и батраки, как и их городские собратья, вели непрекращающуюся борьбу против своих эксплуататоров, ростовщиков и местных политических заправил – касиков. Они, разумеется, не были предрасположены к насилию при любой возможности, но они допускали и время от времени практиковали один вид насилия – захват земли и деревень. Хотя эти выступления почти наверняка сопровождались бы – и в действительности так и происходило – убийством помещиков и их приспешников, они не были, в отличие от случаев «пропаганды действием», акциями, тщательно спланированными, чтобы побудить трудящихся к сопротивлению или восстанию. Они носили случайный характер, и основной их целью было получение контроля над своей жизненной средой.

Даже внутри групп единомышленников «чистые» анархисты, верившие в «пропаганду действием» и практиковавшие её, были в незначительном меньшинстве. Этот факт признавал даже Хесус Эрнандес, который, ещё будучи лидером Коммунистической партии, написал яростно полемическую книгу об анархистах:

“В этих группах можно было встретить кого угодно от динамитчиков до гандистов, включая нудистов, вегетарианцев, индивидуалистов, “коммунистов”, синдикалистов, антисиндикалистов, перипатетиков, ортодоксов, либертариев, коллаборационистов и прочих»⁵.

И конечно, вовсе не врождённая склонность анархистов к применению силы, террору и даже убийству объясняет то ужасное кровопролитие, которое происходило в тылу во время Гражданской войны в Испании.

Характер насилия и террора в республиканской и мятежной зонах

Нельзя отрицать, что наблюдалось огромное количество поджогов, убийств и других видов террористических действий с обеих сторон, особенно в первые месяцы Гражданской войны. Тем не менее существовало качественное различие между террором в республиканской зоне и в тех частях Испании, которые удерживались мятежниками.

На республиканской стороне (за исключением провинции Бискайя) в первые недели войны наблюдалось почти полное отсутствие государственной власти. По сути исчезла и армия; регулярные полицейские силы исчезли или были деморализованы и практически полностью утратили свой авторитет.

Напротив, на стороне мятежников армия не понесла ущерба и сохраняла контроль над ситуацией, усиленная военизированными формированиями Фаланги и карлистов, которые либо были включены в неё, либо действовали под её общим командованием. Почти во всех районах, контролируемых мятежниками, Гражданская и даже Штурмовая гвардия также сохранила свой личный состав и полномочия.

Различие ситуации в этих двух частях Испании привело к тому, что характер террора в них был разным. На республиканской стороне он был стихийным и вёлся в индивидуальном порядке, а не по приказу сверху. Напротив, на стороне мятежников насилие и террор действительно были организованы сверху и отражали сознательную политику тех, кто находился у власти.

Эту разницу засвидетельствовал Франсиско Порталеа, который в начале войны был прокурором Высшего суда Мадрида. Он был уволен правительством по подозрению в нелояльности и с помощью министра юстиции бежал во Францию, откуда через Гибралтар прибыл на территорию мятежников. Он провёл оставшуюся часть войны во владениях Франко. Порталеа рассказывал Рональду Фрейзеру:

“ «Позвольте мне говорить об этом откровенно. Я имел возможность видеть репрессии, которые проводились в обеих зонах. В националистической зоне они были спланированными, методичными, холодными. Власти не доверяли людям и навязывали свою волю через террор. Для этого они совершали злодеяния. В зоне Народного фронта также совершались злодеяния. В этом было сходство между ними; но различие заключалось в том, что в республиканской зоне преступления совершались возбуждёнными людьми, а не властями. Последние всегда пытались предотвратить преступления; мой случай, когда мне помогли бежать, является лишь одним из многих. В националистической зоне было не так. Здесь расстреляли больше людей, и расстрелы были научно

организованы»6.

Франк Еллинек пересказывает «специальные инструкции», которые мятежные офицеры получили от генерала Кейпо де Льяно:

“ «Главным фактором победы, говорили эти инструкции, является подрыв морали врага. Чтобы добиться этого, при занятии города следует первым делом казнить всех людей, пользующихся известностью, которых смогли найти, или, если они успели бежать, членов их семей. Казни должны быть публичными и как можно более впечатляющими. Быстрее всего таких людей можно найти, спросив местного священника. Колебание при исполнении этих приказов должно сурово наказываться, а “избыток рвения лучше, чем гуманная мягкотелость”. Члены Испанской фаланги могут быть причислены к офицерам, чтобы следить за тем, не допускают ли войска ошибок при проведении казней, и разоблачать любые проявления нерешительности...»7

18 августа Кейпо де Льяно заявил:

“ «Восемьдесят процентов андалусских семей в трауре, и мы не замедлим прибегнуть к более строгим мерам»8.

Бруэ и Темим иллюстрируют это примерами того, что происходило на территории мятежников:

“ «Вступление националистов в Бадахос сопровождалось настоящей резнёй. Специальный представитель агентства “Navas” телеграфировал, что трупы лежат в соборе, даже у подножья алтаря, и что “тела сторонников правительства, казнённых скопом, выложены рядами перед собором на главной площади”. Корреспонденты “New York Herald” и “Le Temps” описывали эту бойню, которую офицеры-националисты пытались оправдать невозможностью содержания пленных. Колонна беженцев, направлявшихся к португальской границе, была приведена обратно в город и тут же расстреляна. Корреспондент “Le Temps” упоминает о 1 200 казнённых, о “тротуарах залитых кровью, в которой всё ещё покачивались каски”, в то время как расстрелы продолжались до самой главной площади... Террор был способом подавить сопротивление масс. По крайней мере, так считали предводители мятежа»9.

Сам генерал Франко также верил в террор, включая расстрелы, как средство утвердить свою власть и сокрушить её противников. Рональд Фрейзер ссылается на интервью с Эухенио Вегасом Латапье, редактором монархической газеты «*Acción Española*» во время Гражданской войны, который был настолько возмущён расстрелами без суда и следствия, проводившимися на его глазах, что обратился по этому поводу лично к генералу Франко. Он убеждал его провести суд над обвиняемыми и позволить им защищаться, утверждая, что текущее положение «серьёзно дискредитирует наше дело». Однако, говорил Вегас Латапье,

«Франко не обратил внимания на мои слова. Когда дело касалось репрессий, он хорошо знал обо всём происходившем и был чертовски спокоен. По информации, которую я предоставил позднее, Пеман поднял перед Франко вопрос о количестве людей, которых держали в заключении год или больше после вынесения смертного приговора. Франко объяснил, что это было необходимо, чтобы иметь возможность обменять их на заключённых, которые находились в таких же условиях в красной зоне. Но во время войны правительство Франко едва ли давало согласие на какие-либо обмены; и более того, когда война закончилась и даже этого оправдания больше не было, всё продолжалось так же, как и прежде, и людей после вынесения смертного приговора держали в заключении год, если не больше. Франко продемонстрировал ту неприкрытую, холодную жестокость, которой он славился ещё в Иностранном легионе»¹⁰.

Данный вид террора не ограничивался городами, которые были завоёваны наступающими войсками мятежников. Это происходило и в тех местах, которые с самого начала подпали под их контроль. В Кордове, например, рабочих окружали на улицах и в мастерских и расстреливали без какой-либо причины, просто за то, что они были рабочими. Местные политические лидеры, лояльные Республике, также были убиты по приказам мятежных властей¹¹.

Один ветеран армии Франко рассказывал о почти ежедневных облавах на политических «подозреваемых», проводившихся в Кордовском регионе, спустя долгое время после начала войны, его собственным подразделением. Он говорил, что многие аресты и казни были «в высшей степени произвольными»¹².

Такой же официально санкционированный террор проводился в преимущественно сельской провинции Саморра в Старой Кастилии, которая изначально оказалась в руках мятежников. Практически все лидеры партий и организаций, поддерживавших Республику, были схвачены и казнены¹³. Подобные вещи, несомненно, происходили по всей мятежной Испании.

Гэбриел Джексон комментирует террор мятежников:

“ «...Ожесточение, с которым проводилась чистка в мятежной Испании, не может быть объяснено законами войны... Испанские мятежники сражались, чтобы сохранить традиционные привилегии армии, церкви и землевладельцев... Выступление военных 18 июля казалось им последним

шансом сохранить Испанию, в которой их привилегии будут защищены... Казни в националистической Испании не были делом революционных толп, пользовавшихся распадом республиканского государства. Они проводились по приказу и согласию высших военных властей». Этот автор, проделавший большую работу по изучению данной темы, пришёл к выводу, что насчитывалось около 200 000 жертв «националистических “прогулок” и политических репрессий во время войны», по сравнению с 20 000 погибших в результате «“прогулок” и политических репрессий в республиканской зоне»¹⁴.

Первоначальный террор в Каталонии

После подавления мятежа в Каталонии анархисты почти полностью контролировали здесь ситуацию. В Леванте, к югу от Каталонии, они делили власть с социалистами Ларго Кабальеро. Поэтому то, что происходило в этих двух регионах, имеет самое непосредственное отношение к дискуссии о роли анархистов в насилии и терроре в республиканской Испании.

Можно не сомневаться, что в первые дни и недели Гражданской войны в Каталонии произошло много убийств. В предыдущих главах мы говорили об «исчезновении» владельцев крупных предприятий в Барселоне и крупных землевладельцев. Хотя многие из тех, кто исчез, бежали во Францию, столь же бесспорно то, что многие были убиты своими рабочими или кем-то ещё. Повсюду разыскивали фалангистов и других людей, поддерживавших мятежников, и многие из них также были убиты. И конечно, было много случаев личной мести.

После 19 июля политические заключённые были освобождены из тюрем, и с ними на свободу вышли многие уголовные преступники. Следует предположить, что некоторые из последних вернулись к своим старым занятиям, чему способствовало отсутствие закона и порядка после начала Гражданской войны.

«Прогулки» были обычным явлением в первый период войны. Так назывались действия небольших групп, которые ночами по собственному произволу забирали своих жертв и «прогуливались» с ними до места их смерти.

Джон Лэнгдон-Дэвис, английский журналист, сочувствовавший республиканскому делу, писал в 1937 г.:

“Очевидным фактом является то, что в июле, августе и, насколько я знаю, позднее каждую ночь пять или шесть человек в среднем поднимали с кровати, сажали в машину, увозили на безлюдную дорогу, окружённую

соснами, позади Тидибальдо и расстреливали»¹⁵.

Посетив муниципальный морг в Барселоне, он узнал среднее число тел, доставлявшихся до 19 июля, и тел, доставлявшихся в течение месяца после 19 июля, и пришёл к выводу, что «террор в Барселоне за месяц унёс около 200 жизней...»¹⁶

Эти вещи не совершались по указанию анархических лидеров или при их подстрекательстве. И хотя рядовые анархисты участвовали в них, они не были единственными. Сесар Лоренсо ссылается на фалангистского историка войны в Каталонии, по утверждению которого «в преступных действиях были замешаны все партии пропорционально их численности»¹⁷.

Франц Боркенау, описывавший свои поездки в революционную Испанию в августе 1936 г. и январе – феврале 1937 г., писал о терроре в первые недели Гражданской войны, в частности в Каталонии:

“Я узнал, что терроризм в городе и деревне, безусловно, являлся важнейшим рычагом социальной революции. За расстрелами следовали экспроприации, и страх перед расстрелом заставлял оставшихся богачей подчиниться революционному режиму. Предположение, что анархисты в Каталонии обязаны своим превосходством исключительно террористическим методам, было неправильным; они пользовались бы преданностью значительного большинства рабочего класса и без терроризма. Но другое утверждение, что только терроризм позволил им сделать первые шаги в направлении социальной революции, было верным. Анархистский терроризм в эти первые дни был всего лишь наиболее безжалостным проявлением того террора, который вели все организации рабочего класса против врагов режима по всей Испании...”¹⁸

Боркенау подробно останавливался на этом вопросе: «Революционный терроризм июля, августа и сентября в Испании был тем, что называют “массовым террором” – понятие, которое имеет двоякое значение, как террор, осуществляемый самими массами, а не организованной полицейской силой, и охватывающий очень большое число, “массу” жертв». Он сравнивал это с ситуацией во Франции в 1792 г. и в России в 1918 г.: «Массы нападают не столько на людей, которые совершили или пытались совершить какое-либо действие против режима, сколько на людей, которые в силу своего общественного положения рассматриваются как естественные враги режима, защищаемого этими массами. В России, как в Испании и во Франции, аристократов убивали за то, что они аристократы, священников – за то, что они священники, и, в России и Испании, буржуа – за то, что они буржуа; во всех этих случаях убитые, кроме того, были известны как состоявшие в организациях, враждебных режиму...»¹⁹ Боркенау также отмечал: «Я рискну предположить, что, возможно, это не столько анархистская, сколько испанская привычка – уничтожать врагов поголовно»²⁰. Однако во время своего второго визита в революционную Испанию он увидел,

что применение анархистами силы в первый период войны подорвало их влияние в Каталонии: «Массовые экспроприации и массовые расстрелы до смерти напугали мелких собственников, которые являются весьма важным элементом в Барселоне»²¹.

Лидер каталонских анархистов Диего Абад де Сантильян, писавший во время войны, отмечал, что сразу после 19 июля 1936 г. в Барселоне было много тех, кто устраивал беспорядки и занимался мародёрством. Он говорил, что Центральный комитет милиции, в качестве одной из мер против этого, организовал упорядоченную реквизицию ценностей из церквей и домов тех людей, которые бежали, и поместил их в безопасные места²².

Сантильян писал:

“ «Возможно, что наша победа принесла насильственную смерть четырём или пяти тысяч граждан Каталонии, которые числились среди правых и связывались с политической и церковной реакцией. Но революция имеет свои последствия... Когда происходили эти события, именно мы сделали больше всего для того, чтобы сдержать инстинкт мести у свободных людей»²³.

Как только в Каталонии был образован Центральный комитет милиции, он занялся восстановлением закона и порядка. Эта задача была возложена на Отдел безопасности, возглавляемый анархистом Аурелио Фернандесом, и организованные им контрольные патрули, примерно наполовину состоявшие из членов НКТ.

Однако Сесар Лоренсо отмечает, что наряду с этими официальными патрулями «существовали полицейские силы, организованные каждой партийной или профсоюзной организацией и подчинявшиеся её руководителям: это были знаменитые чека, имевшие своих тайных агентов, свои частные тюрьмы, свои летучие отряды. Та, что была у НКТ, под руководством Мануэля Эскорсы, являлась самой важной и лучше всего организованной»²⁴.

Согласно Диего Абаду де Сантильяну:

“ «Мы прилагали серьёзные усилия, чтобы пресечь любые эксцессы, и не стоит думать, что мы для кого-то делали исключение – мы расстреляли некоторых наших друзей и товарищей, превысивших свои полномочия. Так, Х. Гарденес лёг в могилу, и его не спасло раскаяние в тех поступках, которые, как он честно признался, он совершил, зная, что мы заявили о своей непоколебимости; также лёг в могилу председатель одного из крупнейших синдикатов Барселоны, пищевиков, который был обвинён в совершении личной мести и которого не спас его долгий стаж активиста»²⁵.

Лидеры и значительная часть рядовых анархистов особенно боролись против попыток отдельных лиц использовать ситуацию в личных интересах. Франц Боркенау комментировал это во время своей первой поездки в революционную Испанию, меньше чем через три недели после начала Гражданской войны:

“ «Интересно слушать то, что эти марксисты говорят об анархистах. Непосредственно после разгрома военных, объясняют они, на Рамблас было много грабежей под видом анархистских действий. Тогда вмешалась НКТ, отрицая всякую причастность к этим деяниям; теперь первое, что бросается в глаза, – это большие плакаты анархистов на стенах зданий, угрожающие каждому грабителю расстрелом на месте. Но рассказывают и другие истории, ещё более удивительные. Во время разгрома и сожжения церковью милиция, естественно, захватила много денег и ценностей. Эту добычу следовало надлежащим образом передать НКТ, однако этого сделали; но сами рядовые анархисты предпочитали сжигать всё целиком, включая банкноты, чтобы отвести от себя обвинения в мародёрстве...»²⁶

Ту же самую идею, что революция должна служить не отдельным людям, а рабочему классу в целом, выражало другое явление, которое Боркенау наблюдал во время своей первой поездки:

“ «Коммунисты... в первый день после победы выдвинули экономические требования, такие как пособия для вдов бойцов, погибших при защите Республики. Анархисты не сказали ни слова о пособиях, зарплате или рабочем дне. Они просто говорят, что все жертвы должны приноситься ради революции, без какой-либо награды...»²⁷

Уже 30 июля анархисты приняли решительные меры против «прогулок». Барселонская газета «La Vanguardia» от 31 июля содержала на первой полосе две прокламации, датированные предыдущим днём. Одна из них была издана Местной федерацией единых синдикатов Барселоны и Региональной конфедерацией Каталонии НКТ:

“ «В Барселоне имела место серия обысков, сопровождавшихся произвольными арестами и последующими расстрелами, в большинстве случаев без какой-либо причины, оправдывающей подобные меры... Обыски домов по личной инициативе должны быть прекращены, и впредь они не могут проводиться без разрешения, данного Следственной

комиссией Комитета антифашистской милиции... или Местной федерацией, Региональным комитетом и Региональной ФАИ совместно.

Поступившая к нам информация о том, что эти бесчинства совершались от имени нашей организации без ведома ответственных комитетов, заставила нас принять это решение, чтобы пробудить чувство ответственности, прекратив трусливые действия недобросовестных людей, которых мы должны энергично преследовать».

Вторая прокламация, которая была подписана «НКТ-ФАИ», без уточнения, и широко распространялась в городе, в том числе путём разбрасывания с самолётов, была ещё более категоричной:

“ «МЫ БУДЕМ КАРАТЬ РАССТРЕЛОМ ВСЕХ, кто уличён в совершении действий, нарушающих права людей, всех, кто присвоил себе полномочия, которые конфедеральная и особая организация передала [Следственной] комиссии, составленной элементами фронта антифашистской борьбы из числа беспристрастных и более серьёзных людей. Мы говорим, как мы будем поступать, и мы будем поступать, как мы говорим»²⁸.

Суды и полиция анархистов

Руководимый анархистами Центральный комитет милиции вскоре занялся восстановлением легитимной судебной системы. Диего Абад де Сантильян отмечал:

“ «Дворец юстиции был открыт, и началась организация так называемого революционного правосудия. Были сформированы народные суды, чтобы рассматривать дела о мятеже и заговоре против Республики и против нового закона. Как только эта функция была признана, при первой возможности народные судьи были заменены старыми профессиональными судьями, которые имели больше опыта в своей работе, но впоследствии были поставлены на службу контрреволюции...»²⁹

Хуан Гарсия Оливер в своих мемуарах отмечал:

«Мы оставили управление юстицией революционному комитету, который был создан в Барселонском суде и включал в себя видных юристов, таких как Эдуардо Барриоберо, Анхель Самбранкат, Хуан Розиньоля и другие, получавших помощь от представителей НКТ и ВСТ».

Однако военных, участвовавших в заговоре с целью свержения республиканского режима, судили другие военные, сохранившие верность Республике. Для этого были образованы соответствующие трибуналы³⁰.

Диего Абад де Сантильян подчёркивал внутренний конфликт с совестью у анархистов, вовлечённых в создание регулярных полицейских сил и судов:

“ «Судьи, даже при том, что они были из ФАИ, полиция, даже при том, что она принадлежала к НКТ, были неприятны для нас; это были функции, вызывавшие у нас некоторое отвращение. Не сочувствовали мы и созданию так называемых контрольных патрулей. Мы хотели ликвидировать все институты принуждения в тылу и отправить их служащих на фронт...»³¹

«Патрули стали героями ужасной легенды. Большинство милиционеров были нашими товарищами, и они сами по себе являлись препятствием для возможных планов политического доминирования. Ставилась цель подавить эти силы, и прежде всего необходимо было дискредитировать их.

Возможно, что из полутора тысяч патрульных в Барселоне некоторые могли превышать свои полномочия и были виновны в поступках, достойных осуждения, но даже в подобном случае их было отнюдь не больше, чем обычно бывало в других репрессивных учреждениях. Мы не защищаем институт патрулей, как не защищали мы гражданскую или штурмовую гвардию. Но они обладали чувством гуманности и ответственности, благодаря которому они оставались верны защите нового революционного порядка. Со временем они, возможно, стали бы всего лишь ещё одним полицейским корпусом, но клевета, которой они подвергались, была бездоказательной. Она исходила в основном от коммунистов.

Во многих случаях нам приходилось вмешиваться, чтобы освободить людей, политический нейтралитет которых был для нас гарантирован, и мы могли видеть, что с этими задержанными обращаются так, как с нами самими никогда не обращались: как с людьми. В нашем тылу были заговорщики, и естественно, им не позволили бы разгуливать на свободе и причинять нам вред. Но население, пережившее первые десять месяцев революции в Каталонии, подтвердит эту разницу в сравнении с репрессивными методами, которые стали применяться после, при “порядке”, установленном Прието, Негрином, Сугасагойтией, с пыточными камерами Коммунистической партии или Главного управления безопасности, которые были одним и тем же, с ужасами СИМ, где совершались такие зверства, какие не смог бы вообразить даже гражданский гвардеец монархии»³².

Анархический террор в Леванте

В Валенсии, как и Каталонии, «прогулка» была обычным явлением в первые недели Гражданской войны. Хотя в Левантийском регионе, согласно декрету правительства Хирала, были созданы народные суды, в частности для рассмотрения дел об измене Республике, «прогулки» прекратились не сразу. Один человек, который в 1936 г. был судьёй в Валенсии, через много лет вспоминал, что каждое утро он должен был ходить по городу, удостоверяя смерть разных людей, убитых ночью. Он говорил, что эта ситуация продолжалась около трёх-четырёх месяцев³³.

Когда анархист Хуан Гарсия Оливер в начале ноября 1936 г. занял свой кабинет в Валенсии как министр юстиции, он увидел, что одной из его первых задач является прекращение «прогулок». Он узнал, что главная группа, осуществлявшая незаконные аресты и расстрелы, была известна как «Кровавый трибунал» и состояла примерно из 20 человек, собранных со «всех антифашистских партий и организаций города».

В речи, произнесённой им на церемонии открытия судебного года вскоре после вступления в должность, Гарсия Оливер попытался объяснить происхождение «прогулок». Он пересказывает это объяснение в своих мемуарах:

“Ввиду того, что военный мятеж вызвал исчезновение всех социальных ограничений, поскольку он был поднят классами, исторически поддерживавшими общественный порядок, попытки восстановить состояние законности вызвали резкий возврат правосудия к его самому отдалённому и чистому источнику: народу, *vox populi, suprema lex*. И народ, пока продолжалось это расстройство, создал и применял свой закон и процедуру, то есть “прогулку”. Но нормальное положение, восстановленное созданием народных судов революционного состава, не оставило никаких оправданий для “прогулок”; подозреваемые должны передаваться народным судам, чтобы их дела рассматривались беспристрастно, с наказанием для виновного и немедленным освобождением для невинного».

Гарсия Оливер решительно боролся с бессудными расстрелами. Он вызвал к себе членов «Кровавого трибунала», и у них состоялся довольно бурный разговор, во время которого делались намёки на то, что сам Гарсия Оливер может отправиться на «прогулку».

Гарсия Оливер пишет, что эту удалось заставить «Кровавый трибунал» прекратить свою работу. Но через пару недель ночные убийства возобновились, и жертвы были оставлены у Народной военной школы, только что открытой Гарсией Оливером. Вскоре выяснилось, что эти расправы были совершены штурмовыми гвардейцами по приказу одного из чиновников Министерства внутренних дел. Гарсия Оливер не позволил продолжать эти возобновлённые «прогулки»³⁴.

По мере продолжения войны характер террора на республиканской стороне резко изменился. Влияние сталинистов в воссозданных регулярных полицейских силах и армии росло, с помощью агентов советского ГПУ была создана тайная полиция сталинистов, совершенно независимая от правительства, и насилие, принуждение и террор стали осуществляться на более организованной основе. Разумеется, они применялись уже не анархистами, а против анархистов (и других несогласных со сталинской политикой).

Анархисты и террор в Арагоне

Есть много свидетельств о том, что, когда анархические колонны милиции вошли в Арагон и отвоевали примерно половину этого региона, они оказались замешаны в актах насилия на занимаемых ими территориях. Кроме того, анархические крестьяне в отвоеванных районах со значительным размахом вели террор против своих врагов.

Франц Боркенау, посетивший Арагон меньше чем через месяц после начала Гражданской войны, подтверждает это. Он пересказывает разговор в сельской таверне во Фраге:

“ «Большинство из них – анархисты. Один человек, красноречиво проведя пальцем по горлу, рассказывает нам, что они убили тридцать восемь “фашистов” в своём селе; это очевидно доставляло им огромное наслаждение. (В селе лишь около тысячи жителей.) Они не убивали женщин или детей, а всего-то священника, его наиболее активных приверженцев, адвоката с сыном, помещика и некоторое число богатых крестьян! Сначала я думал, что число тридцать восемь было хвастовством, но на следующее утро мне подтвердили это другие крестьяне, некоторым из которых эта резня пришлось совсем не по душе. От них я узнал подробности произошедшего. Расправу устроили не сами селяне, а колонна Дуррути, когда она впервые проходила через село. Её бойцы арестовали всех, кто подозревался в реакционных действиях, отвезли их в тюрьму на грузовике и расстреляли... В ответ на эту расправу богачи и католики в соседнем селе подняли восстание; алькальд выступил посредником, колонна милиции вошла в село и снова расстреляла двадцать четыре своих противника»³⁵.

Часто арагонские крестьяне совершали казни с неохотой. Возможно, события в одной небольшой деревне являются типичным примером того, что происходило во многих остальных. Местный революционный комитет вначале никого не осудил, испытывая отвращение к расправе над своими земляками. Однако в итоге комитет, состоявший из пяти членов НКТ и пяти – ВСТ, пришёл к выводу, что если фашистов оставить в живых, то они убьют республиканцев при первой же возможности. Поэтому трёх главных фашистов деревни осудили и расстреляли³⁶.

Лидеры некоторых анархических колонн, пришедших в Арагон, пытались предотвратить террор. Так поступил Сатурнино Карод, командир колонны, стоявшей напротив Бельчите. Много лет спустя он рассказывал Рональду Фрейзеру о том, как он собрал жителей села Каласейте, которые предали огню свою церковь, и упрекнул их:

“ «Вы сжигаете церкви, не думая о том горе, которое вы приносите вашим матерям, сёстрам, дочерям, родителям, в чьих жилах течёт христианская, католическая кровь. Не думайте, что, сжигая церкви, вы измените эту кровь и что завтра каждый и каждая будет считать себя атеистом. Напротив! Чем больше вы ругаетесь над их совестью, тем сильнее они будут держаться церкви. Не говоря о том, что огромное большинство из вас в душе верующие».

Фрейзер добавляет: «Он потребовал, чтобы любую жизнь и любую собственность – не только церковную – уважали. Задачей колонны было сражаться с врагом в открытом бою, а не брать правосудие в свои руки»³⁷.

Ситуация в Мадриде

Анархисты в начале Гражданской войны не имели в Мадриде такого преобладания, как в Каталонии и Арагоне. В это время республиканское правительство контролировало столицу лучше, чем любой из городов Испании. Однако даже здесь анархисты пользовались значительным влиянием и большой степенью самостоятельности в первые месяцы Гражданской войны. Как мы уже отмечали в главе 7, Комитет обороны Центра НКТ в течение всей войны сохранял влияние в анархических войсковых частях, действовавших на Центральном фронте.

Хесус де Галиндес, баскский националист, которому правительство поручило расследовать и пресечь «прогулки» в Мадриде, говорил, что в начале войны и у НКТ, и у коммунистов были свои чека. Их служащие приходили в тюрьмы и забирали оттуда людей в свои штаб-квартиры, чтобы рано или поздно покончить с ними.

Однако Галиндес отмечал, что анархическая чека и коммунистическая произвели на него разное впечатление. По его словам, анархисты забирали людей в порыве негодования или политических страстей, но когда он вмешивался и был готов поручиться за человека либо собирался вернуть его в тюрьму, они обычно верили ему и отпускали свою жертву. Коммунисты же работали планомерно и отрицали, что когда-либо видели разыскиваемого человека, даже если у Галиндеса были доказательства, что тот находился у них.

Ларго Кабальеро, узнав о происходящем, назначил анархиста Мельчора Родригеса начальником тюрем Мадрида. После этого, согласно Галиндесу, захваты заключённых прекратились.

Самым страшным массовым убийством в Мадриде стало нападение на тюрьму Карсель-Модело в начале ноября 1936 г., когда войска Франко собирались начать лобовую атаку на город. Хесус де Галиндес был убеждён, что это нападение, во время которого 600 заключённых хладнокровно убили, было сознательно организовано коммунистами³⁸.

Террор в Астурии

В Астурии распад власти также спровоцировал масштабный террор против действительных и предполагаемых врагов республики и революции. Хавьер Р. Муньос пишет относительно этого региона:

“В первые месяцы войны было совершено наибольшее число убийств... Если верить источникам, репрессии и садизм стали теми ингредиентами, из которых готовился кровавый салат в эти месяцы».

Муньос отмечает, что после того, как в сентябре 1936 г. де-факто было создано правительство региона в Хихоне и при нём организован народный суд, «был положен конец предшествующим эксцессам... Основываясь на известных данных о казнях, для которых указана дата, можно убедиться, что 60 с небольшим процентов смертей приходится на июль – сентябрь 1936 г. В следующие месяцы совершалось меньше убийств, которые были делом настоящих “неконтролируемых”, до заключительных месяцев войны, сентября и октября 1937 г., когда возобновился террор, на который приходится около 20 процентов жертв».

Народный суд рассматривал много дел, в которых были замешаны «неконтролируемые». Муньос отмечает, по обвинениям в незаконных арестах суд приговорил трёх человек к смертной казни и одного к 30 годам заключения³⁹.

Антиклерикализм анархистов

Особое внимание следует уделить террору анархистов, направленному против католической церкви, её священников, монахов и сторонников из числа мирян, особенно в первые несколько месяцев Гражданской войны. Хотя почти все политические группы, поддерживавшие Республику – кроме баскских националистов – являлись антиклерикальными, анархисты были наиболее воинственными из них, и есть серьёзные доказательства того, что они несли основную ответственность за нападения не только на церковные здания, но и на церковных служителей и тех, кто был с ними связан.

Прежде чем обратиться к фактам, важно изучить причины яркой враждебности анархистов по отношению к католической церкви. Именно это сильное и страстное чувство было побудительным мотивом их действий против церкви, её служителей и сторонников во время Гражданской войны.

Объяснение Джеральда Бренана получило значительную поддержку других исследователей. Хотя он говорил в основном об анархистах в сельских районах южной Испании, он отмечал, что к началу Гражданской войны многие каталонские рабочие были мигрантами из Андалусии в первом или втором поколении и, таким образом, его наблюдения были применимы и к ним:

“ «Фанатичная ненависть анархистов к церкви и чрезвычайная агрессивность их нападений на неё во время Гражданской войны – вещи, известные каждому... Я думаю, это можно истолковать только как ненависть еретиков к церкви, от которой они отпали»⁴⁰.

“ «Я бы предположил, что гнев испанских анархистов по отношению к церкви – это гнев глубоко религиозных людей, которые чувствуют себя покинутыми и обманутыми. Священники и монахи оставили их в переломный момент их истории и перешли к богачам. Гуманные и просвещённые принципы великих богословов семнадцатого столетия были отброшены. Люди стали подозревать... что все слова церкви были лицемерными. Когда они начали борьбу за христианскую утопию, эта борьба, следовательно, велась против церкви, а не совместно с ней...»⁴¹

Доктор Семпрун Курреа, преподаватель Мадридского университета, консервативный политик и автор испанского католического обозрения «Cruz y Raya», по-видимому, подтверждает наблюдения Бренана в статье, опубликованной во французском издании «Esprit» в 1936 г.:

“ «Для любого, кто изучил этот вопрос на месте, ясно, что глубинным и потаённым корнем антиклерикализма в душе испанского народа было резкое осуждение духовенства – не за то, что оно носило сан, а за то, что оно не умело быть достойным его... Очень часто ненависть к священнику или религиозному человеку вызывается тем, что он недостаточно соответствует тому, к чему он сам призывает. Его не обвиняют в том, что он верит в Христа, его обвиняют потому, что он не подражает Христу; его обвиняют не за его обеты и правила, а за то, что он не выполняет их усердно; его оскорбляют не за проповедь последующей жизни и отречения от нынешней, а за нежелание отречься от этой, земной жизни и видимое забвение иной»⁴².

Профессор Хосе Санчес, историк церкви времён Гражданской войны, приводит мнения других испанских авторитетов, которые, как нам кажется, согласуются с анализом Джеральда Бренана. Он цитирует Мауриси Серраиму, каталонского адвоката и активного

католического прихожанина и политического активиста, утверждавшего:

“ «Я всегда настаивал, что глубоко внутри эти поджоги ощущались как деяние веры. Иными словами, это был акт протеста против того, что церковь не была в глазах народа тем, чем она должна быть. Разочарование того, кто верит и любит и был предан. Оно вырастает из идеи, что церковь должна принимать сторону бедных – и не принимает...»⁴³

Санчес также ссылается на Мануэля де Ирухо, баскского националиста и католика, занимавшего министерские посты в республиканских правительствах Ларго Кабальеро и Хуана Негрина. Ирухо говорил: «Поджоги церквей не имеют никакого отношения к антирелигиозным чувствам; это протест против государства и, если позволите, своего рода обращение к Богу против человеческой несправедливости»⁴⁴. Сам Санчес отмечает:

“ «[Существовал] вопрос о социально-экономической роли духовенства в Испании. Эта роль стала оправданием насилия, получившего поддержку и сочувствие либералов и рабочих за границей... Восприятие было более важным, чем действительность. Священнослужители воспринимались и клеймились как социальные лицемеры. Сделать это было легко, особенно в стране с такими значительными социальными проблемами и с такой многочисленной и влиятельной в культуре церковной организацией... Испанское духовенство около ста лет до 1936 года подвергалось критике за его союз с богатыми в никогда не утихающей классовой войне... Также вероятно, что в развивающейся буржуазной экономике начала XX века, с её растущим классовым разделением и классовым созданием, духовенство стремилось угодить богатым, поскольку оно чувствовало себя более уютно среди тех, кто посещал его мессы и содействовал ему в проповеди Евангелия...»⁴⁵

Поджоги церквей, конечно, начались не во время Гражданской войны 1936–1939 гг. Ими были отмечены многие восстания и гражданские конфликты XIX века, а также Трагическая неделя в Барселоне в 1909 г., когда было сожжено 17 церквей и 23 монастыря⁴⁶.

Антиреспубликанская позиция церкви

В дополнение к давнему антиклерикализму анархистов и других сторонников республиканского дела существовала ещё одна, более непосредственная причина антицерковной враждебности во время Гражданской войны. Фактом было то, что церковные иерархи и большая часть духовенства – за исключением Страны Басков – более или менее открыто поддерживали дело мятежников.

Хосе Санчес отмечает:

“ «В большинстве случаев духовенство изображалось соучастником заговора военных и считалось, оно прятало в своих церквях и домах оружие, из которого вёлся огонь по врагам мятежа»⁴⁷.

Для подобного представления о духовенстве имелись веские причины. Диего Абад де Сантильян писал о событиях 19–20 июля в Барселоне:

“ «Мы не препятствовали нападениям на церкви и монастыри в отместку за сопротивление, которое оказывали из них армия и служители божьи. Во всех из них мы нашли оружие или заставили сдаться силы, укрепившиеся там...»⁴⁸

Безусловно, некоторые священнослужители, которые остались на республиканской территории и избежали ареста, сотрудничали с мятежными силами. Через двенадцать лет после окончания войны падре Бернардино Антон Ортис, который во время нашей встречи возглавлял церковный консультативный совет профсоюзной системы франкистского режима, рассказывал мне о своих действиях.

Его не было в приходе, когда в Мадриде начались бои, и поэтому он не попал в руки милиционеров, искавших его. Когда он вернулся домой, одна из прихожанок поселила его у себя в квартире, из которой она выехала, когда начались трудности. Он прожил там до конца войны; за это время ему довелось работать водителем грузовика, кладовщиком, а течение полугода он вёл собственный бизнес, изготавливая сувениры и продавая их республиканским солдатам. Одновременно он участвовал в работе антиреспубликанского подполья Мадрида, собирая информацию, которую ему удавалось передавать через фронт мятежникам, и подделывая документы, в том числе для самого себя. После окончания войны он был приравнен новым режимом к военным и получил медаль «Ветеран войны» от Франко⁴⁹.

В той части Испании, которая удерживалась мятежниками, церковная иерархия и духовенство были убеждёнными сторонниками Франко. Хосе Санчес отмечает, что, официально провозгласив католическую Испанию, «националисты, хотя среди них были неверующие и антиклерикалы, позволили епископам осуществлять власть в образовательных, социальных и культурных вопросах, чтобы приобрести их поддержку и поддержку верующих католиков... Епископы, таким образом, оказались вовлечены в политику, хотели они того или нет. Эта роль, вероятно, давала им преувеличенное сознание собственной власти. Их приглашали председательствовать при исполнении военных и гражданских функций, проповедовать в войсках, работать в политических комитетах...»⁵⁰

Наконец, в августе 1937 г. все иерархи испанской церкви, за исключением двух епископов, подписали коллективное письмо, «адресованное их сотоварищам епископам во всём мире»⁵¹. «Защищая мятеж как правое дело и утверждая, что революционеров направляют иностранные заговорщики... епископы объявляли о поддержке националистов, которые, как они говорили, представляют испанскую нацию, утвердили закон, порядок и правосудие и даже “излили свою любовь на отечество”... Что касается обвинений националистов в варварском обращении с пленными республиканцами, то письмо не оправдывало этих “эксцессов”, но говорило, что нет никакого сравнения между “произволом против законности” на республиканской стороне и упорядоченным отправлением правосудия националистами»⁵².

Епископы недвусмысленно заявляли о своём одобрении дела мятежников: «Мы утверждаем, что мятеж гражданских и военных имел под собой двойное основание в глубинах народного сознания, в патриотическом чувстве, которое увидело в нём единственное средство возвысить Испанию и предотвратить её окончательное падение; и в религиозном чувстве, которое рассматривало его как силу, необходимую, чтобы повергнуть врагов Господа, и как гарантию постоянства испанской веры и религиозной практики... В настоящий момент в Испании нет иной надежды на завоевание справедливости и мира и на благословение, происходящее из них, кроме победы националистического движения»⁵³.

Масштабы террора против церкви

Хосе Санчес пишет:

“ «Антицерковное неистовство 1936 года имеет особый смысл и значение. Это было наиболее кровопролитное гонение на духовенство за всю историю христианской церкви. Ни одно другое потрясение в современную эпоху не сравнится с испанским конфликтом по числу убитых священнослужителей, или их проценту от общего числа жертв, или числу открыто затронутых за короткий промежуток времени»⁵⁴.

«Неопровержимые факты, и они лучше всего задокументированы среди данных о погибших в испанской войне и связанном с ней терроре, говорят, что было убито около семи тысяч представителей духовенства, большинство из них – за шесть месяцев с июля по декабрь 1936 г.». Он цитирует Антонио Монтеро Морено, установившего, что «4 184 относились к белому духовенству (епархиальные священники), 2 365 относились к чёрному духовенству мужского пола (состоявшие в религиозных орденах и конгрегациях) и 283 были монахинями, всего 6 832»⁵⁵. Было убито 13 епископов.

В это время белое духовенство насчитывало почти 30 000 священников и 3 500 семинаристов, из которых 12% были убиты. Религиозные ордены насчитывали около 20 000 рукоположенных служителей, монахов и послушников, из которых 11% были убиты.

Санчес приходит к выводу, что «было убито около четверти духовенства мужского пола в республиканском тылу... В дополнение к этим смертям, было убито огромное число мирян, известных либо как набожные люди, участники братств и благотворительных религиозных организаций, либо как отцы, матери, братья, сёстры и друзья клириков. Некоторые были убиты за то, что заявляли о своей вере с помощью какого-нибудь внешнего символа, например церковной медали или скапулярия...»⁵⁶

Профессор Санчес продолжает:

“ «Вспышка гонений длилась около шести месяцев, вторую половину 1936 г.... Около 80% представителей духовенства погибло в первые два с половиной месяца войны, с начала мятежа в середине июля до 1 октября. Ещё 15% приходится на следующие три месяца до конца года. Таким образом, 95% всех убийств произошло в первые шесть месяцев войны. После этого убийства стали спорадическими...»⁵⁷

Иногда существовали довольно специфические поводы для расправы над священниками. По словам Франца Боркенау, в каталонском селе Тосас «было два священника, один фанатичный и строгий, другой легкомысленный во всех отношениях – особенно в отношениях с сельскими девушками. Этого последнего село укрывало от ареста с начала революции, в то время как “добрый” пастырь, ненавидимый всем селом как союзник реакционеров, попытался бежать и сломал себе шею, упав со скалы»⁵⁸.

Преследование духовенства обычно имело под собой «политические» или «антиклерикальные» мотивы, а не личные, что доказывается отношением к монахиням. Согласно Хосе Санчесу:

“ «Следует отметить, что, несмотря на все ужасные примеры пыток и жестокости, за весь период ни одна монахиня не подверглась сексуальному насилию по вине противников церкви. Монтеро Морено (для которого было бы естественно привести такие случаи, если бы они существовали) опровергает заявления националистов в первые месяцы войны о том, что монахинь заставляли голыми танцевать на публике или что республиканскими милиционерами устраивались массовые изнасилования. В своём исчерпывающем исследовании он говорит, что испанцы испытывают врождённое уважение к женщинам, особенно к девам, посвящённым Богу, поэтому, когда монахини арестовывались и подвергались сексуальному домогательству и, казалось, не было надежды на спасение, из числа членов солдатских комитетов появлялся стихийный заступник, который брал монахинь под защиту»⁵⁹.

Этот вывод профессора Санчес опровергает утверждения сторонников Франко во время Гражданской войны. В частности, «Совместное письмо испанских епископов», высказывавшееся в поддержку дела Франко, говорило: «Честь женщин не уважали, даже тех, что посвятили себя Богу...»⁶⁰

Через несколько месяцев действия толп, направленные против католической церкви и мирян, по большей части сменились формальными процессами в революционных судах. Джон Макговерн, член британского парламента от Независимой рабочей партии и католик, присутствовал на двух таких процессах. На одном из них судили пятерых членов католической молодёжной организации, которые обвинялись в участии в барселонском мятеже 19 июля. Макговерн сообщал, что они «все сознались в своём преступлении» и были признаны виновными. «Обвинитель требовал смертной казни. Суд состоял из юриста, бывшего председателем, и двенадцати заседателей от рабочих организаций. Они отклонили требование смертной казни и приговорили подсудимых к тридцати годам заключения».

На втором процессе рассматривалось дело четырёх монахов, которые установили на крыше своей небольшой обители пулемёт и обстреливали правительственные самолёты.

“ «Трое попытались сбежать, четвёртый сдался, заявляя о своей непричастности, и был освобождён до начала суда с согласия обвинителя. Для трёх остальных он потребовал смертной казни... Трое были признаны виновными и один – невиновным. Последний был освобождён; трое других были приговорены к тридцати годам заключения»⁶¹.

Убийство церковников и верных им мирян было не единственным аспектом террора против католической церкви на республиканской стороне во время Гражданской войны. Профессор Санчес не даёт оценки того, сколько церквей и других зданий религиозного назначения было разрушено. Но он отмечает:

“ «Тысячи церквей были сожжены, святыни подверглись осквернению, гробницы монахинь были открыты и их останки были выставлены на посмеяние, религиозные церемонии пародировались. Действительно, практически любой акт против церкви стал не только мыслимым, но и возможным»⁶².

Франц Боркенау описывал сожжение церкви в Барселоне во время его первого визита в революционную Испанию:

«По пути домой я увидел горящую церковь, и это также стало для меня большой неожиданностью. Я воображал себе торжество беснующейся толпы, а это оказалось деловой рутинной. Церковь стояла на углу широкой Пласа-де-Каталунья. Огонь быстро её пожирал. Небольшая группа зрителей стояла неподалёку (было около 11 вечера) и молча наблюдала, явно не сожалея о пожаре, но в то же время не испытывая особой радости. На месте работала пожарная команда, старательно удерживавшая огонь в пределах церкви и защищавшая окружающие здания; никому не разрешалось близко подходить к горящей церкви – во избежание несчастных случаев, – и люди подчинялись этому требованию с удивительным спокойствием»⁶³.

Поджигатели церквей часто делали всё возможное, чтобы спасти то, что они считали произведениями искусства. Джон Лэнгдон-Дэвис посетил Управление работ в Барселоне, где были собраны подобные предметы:

“ «В здании... шла весьма оживлённая деятельность. В каждом углу были навалены груды святых и дев, распятий и икон, резных фигурок; мужчины, переносившие туда и сюда новые ящики реликвий, которые только что прибыли; женщины за столами, печатавшие перечни сокровищ, переданных на хранение правительству...»⁶⁴

Не только церковные здания, но и другие объекты религиозного культа уничтожались на начальном этапе Гражданской войны. Боркенау рассказывал о том, что произошло в приморском каталонском посёлке Тосас:

“ «Здесь было проведено сожжение религиозных предметов...»
Милиционерша из ПОУМ говорила Боркенау, что, «по её впечатлению, крестьянки неохотно отдавали свои священные предметы, но они уходили с убеждением, что теперь настал конец католицизма; она слышала, как они говорили вещи вроде: “Святой Иосиф мёртв”. На следующий день село само отказалось от прощания “адьос”, “с богом!”, – потому что Бога на небесах больше нет»⁶⁵.

Страна Басков оставалась единственной частью республиканской Испании, где не было гонений на церковь. Баскские националисты, которых активно поддерживало католическое духовенство региона, были преобладающей политической силой режима. Пока в этой части Испании продолжалась война, священники могли свободно совершать богослужения и вести другие дела, хотя они старались не выходить на улицу в своём церковном облачении, в качестве простой предосторожности. В подразделениях лоялистской армии, находившихся

под контролем Баскской националистической партии, были свои капелланы⁶⁶.

Настоящее же преследование священнослужителей в Стране Басков развязали силы мятежников. По меньшей мере 14 священников были казнены сторонниками Франко после захвата провинции Гипускоа в начале войны, многие другие были арестованы ими здесь и позднее в Бискайе⁶⁷.

Ответственность анархистов за антиклерикальный террор

Люди совершенно разных убеждений склонны соглашаться с тем, что анархисты в значительной степени были ответственны за антицерковный террор первых месяцев Гражданской войны. Так, Джеральд Бренан считает: «Можно сказать, не совершая большой ошибки, что все церкви, сожжённые в Испании за последнее время, были сожжены анархистами и что большинство убитых священников были убиты ими»⁶⁸.

Со своей стороны, Хосе Санчес отмечает, что

“ «большинство источников указывает на анархистов как составлявших основную массу “неконтролируемых”»⁶⁹. «Как в Арагоне, так и в Валенсии значительная часть убийств была совершена пришельцами – анархистскими бойцами военных частей, направлявшихся к фронту. Колонна Дуррути в Арагоне и Железная колонна в Валенсии нападали на местные церкви и их священников, которых пощадило местное население, или агитировали сельских жителей рассказами о заговоре в больших городах, или как-либо иначе убеждали их убивать священников как врагов Республики и революции»⁷⁰.

Санчес добавляет: «Как только вспыхнул мятеж и началась революция, насилие стало обыденным, и анархистская пресса говорила о нём в самых смелых выражениях». Он цитирует отрывок из «Рабочей солидарности» от 15 августа 1936 г.:

“ «Церковь должна навсегда исчезнуть... Священник, монах, иезуит господствовали в Испании, и мы должны их искоренить... Религиозные ордены должны быть распущены, епископы и кардиналы должны быть расстреляны, и церковная собственность должна быть экспроприирована»⁷¹.

Учитывая почти полное преобладание анархистов в Каталонии и Арагоне и их широкое влияние в Леванте и Астурии в первый период Гражданской войны, когда поджоги церквей и убийства клириков и мирян были в самом разгаре, вряд ли стоит сомневаться в том, что анархисты несли главную ответственность за эти события в указанных частях республиканской Испании. Однако следует прояснить вопрос об отношении анархического руководства к преследованию духовенства.

Свидетельства одного из основных лидеров каталонской ФАИ, Диего Абада де Сантильяна, могут говорить о том, что это отношение было двойственным. В своей книге, вышедшей через год после окончания Гражданской войны, Сантильян писал:

“ «Июльский триумф лишил церковь её богатств и полномочий. Зачем же было преследовать её служителей? Монахини и монахи высказывали желание уехать за границу, и мы не видели никаких причин удерживать их против воли... Разве не было к лучшему, что они уезжали, вместо того чтобы оставаться здесь и постоянно плести заговоры? Сколько было людей, державших у себя дома родственников, священников, монахов или монахинь, которые не стали ставить нас в известность и просить у нас совета! Разве мы кому-нибудь из них выразили словом или жестом своё недовольство? Разве мы не гарантировали [священнослужителям] максимальное уважение до тех пор, пока они не вмешивались в дела нового революционного порядка?»

Однако далее, отметив два случая непосредственного участия священников в мятеже, Сантильян утверждает:

“ «Церковь, которая сражается таким образом за худшие идеи, не имеет никакого отношения к религии и не может быть защищена от народного гнева». Затем, возможно немного неискренне, он пишет: «...Революционная организация, какой являлась ФАИ, не считала, ни до, ни после 19 июля, что нужно предпринимать какие-либо действия против неё [церкви], когда она уже лишена своих инструментов духовного и материального подавления. Мы уважали убеждения каждого и требовали режима терпимости и мирного сосуществования всех религий и политических и социальных доктрин»⁷².

Конечно, далеко не все анархисты одобряли насилие над духовенством и уничтожение церковного имущества. Мы упоминали в главе 22 о том, что Феликс Карраскер, каталонский лидер ФАИ, будучи назначен директором роддома в Барселоне, предотвратил арест монахинь, которые работали в нём.

Британский парламентарий Джон Макговерн утверждал:

«...Лидеры рабочего класса защищают религиозных лидеров от физической расправы. Об этом свидетельствует случай римско-католического епископа Барселоны. Вокруг его резиденции собралась толпа в несколько десятков тысяч (некоторые говорят о 100 тысячах), требовавшая его жизни. Дуррути, анархистский лидер... явился на место с двадцатью вооружёнными людьми. Он обратился к толпе со ступеней дворца... Он вывел епископа, посадил его в автомобиль и передал правительству Каталонии, которое посадило его на итальянский военный корабль. Вместе с ним на борт поднялись пятьсот священников и монахов. Сотни монахинь были с охраной переведены через границу...»⁷³

Были и другие случаи, когда местные анархические лидеры брали под защиту священнослужителей, в том числе высокопоставленных. Например, старый епископ каталонского города Сольсона был переведён через границу пятью членами революционного комитета, контролировавшегося анархистами. (Четверо из этих пяти были казнены мятежниками, когда те захватили регион⁷⁴.)

В городе Бадалона, недалеко от Барселоны, как свидетельствовал его мэр времён войны, анархист Жоан Манен, двухтысячная толпа напала на местный монастырь, но НКТ не только отправила милиционеров, чтобы спасти монастырскую библиотеку от сожжения, но и постаралась не допустить убийства монахов.

По словам Манена:

“ «...Мы не смогли помешать толпе вывести тридцать восемь монахов, включая приора, в Бадалону, чтобы убить их. Двое были убиты и ещё двое ранены по дороге. Увидев людей с пиками, которые вели монахов, я невольно представил себе гильотину, поджидающую на площади, – настолько эта сцена напоминала Французскую революцию».

НКТ собрала на городской площади 200 вооружённых милиционеров, которые арестовали вожakov толпы и отвели монахов обратно в монастырь. Впоследствии НКТ договорилась с президентом Луисом Компанисом отправить монахов – многие из которых были иностранцами – за границу⁷⁵.

Можно также отметить, как любопытный факт, неявную критику чрезмерного антиклерикализма со стороны Хуана Гарсии Оливера. Когда он обустроивал свою резиденцию как министр юстиции в Валенсии, в конфискованном доме аристократа, он не стал, в отличие от других министров, снимать со стен картины, многие из которых были на религиозные темы. Когда кентерберийский декан спросил его о причине, Гарсия Оливер ответил:

«Это легко объяснить... Мотивы картин могут быть разными. Живопись не раздражает меня, а наоборот, доставляет удовольствие, независимо от того, является она религиозной, портретной, батальной или пасторальной. И когда я чувствую себя измотанным физически и интеллектуально, я смотрю на картины, пытаюсь понять чувства их персонажей, и постепенно ко мне приходит расслабление»⁷⁶.

Только в декабре 1938 г., за четыре месяца до окончания войны, анархисты официально отказались от своей крайней антиклерикальной позиции. Правительство Негрина создало Комиссариат по делам культов, что «стало окончательным признанием религиозной свободы». После жарких дебатов Национальный комитет НКТ в итоге одобрил это решение правительства.

Сесар Лоренсо даёт комментарий по этому поводу:

“ «Страница была перевёрнута: анархисты, никогда не прекращавшие сражаться со священниками и епископами, с верой и теологией, с верующими и догматами... наконец поняли, что им необходимо скорректировать свою позицию, продиктованную скорее страстью и негодованием, чем революционной волей»⁷⁷.

Заключение

Мы можем сделать несколько выводов относительно насилия и террора анархистов во время Гражданской войны.

Во-первых, черты насилия и даже терроризма, безусловно, были присущи традиции испанского анархизма. Отчасти они объяснялись социальной историей Испании, которая была отмечена многочисленными инцидентами с участием восставших крестьян и сельских бандитов, грабивших и даже убивавших землевладельцев, священников и касиков, при терпимом и даже одобрительном отношении местных жителей. С другой стороны, свой вклад внесла «пропаганда действием», поощрявшаяся определёнными элементами международного анархического движения в течение двух-трёх поколений перед началом Гражданской войны в Испании.

Во-вторых, за подавлением мятежа на значительной части Испании последовала стихийная вспышка насилия, во время которой рабочие убивали своих работодателей, крестьяне – помещиков, антиклерикалы – священнослужителей и верующих, сторонники Республики – членов политических групп, связанных с мятежниками; и рабочие-анархисты играли в этой вспышке важную роль. Это сопровождалось и более организованной разновидностью террора, так называемыми «прогулками», во время которых небольшие группы радикальных

активистов, анархистов и других, определяли кандидатов на устранение и совершали их убийства.

Проблема террора, как стихийного, так и организованного, поставила анархическое руководство в затруднительное положение, которое сохранялось в течение всей войны. Они, первые враги всякого рода «власти», были вынуждены использовать свою власть для создания органов – патрулей и революционных судов, – которые могли прекратить несанкционированное насилие. И они прекратили его.

С восстановлением правительственных структур в различных регионах республиканской Испании были организованы народные суды, которые рассматривали дела обвиняемых в преступлениях против Республики. Одновременно анархические лидеры в различных региональных правительствах Республики лично вмешались в ситуацию, чтобы положить конец «прогулкам».

Четвёртый очевидный факт – то, что некоторые анархические подразделения милиции, особенно в Арагоне, занимались истреблением «фашистов» и других нежелательных для них лиц, сами или руками местных крестьян. Колонна Дуррути, пришедшая в Арагон из Каталонии, и Железная колонна, пришедшая под Теруэль из Валенсии, были особенно активными в этих действиях.

В-пятых, анархисты с особым ожесточением преследовали католическую церковь, её духовенство и преданных прихожан. Как и другие акты террора, нападения на священнослужителей и церковные здания в основном приходились на первые недели гражданской войны/революции. Они отражали глубоко укоренившийся антиклерикализм испанского анархического движения и в большинстве случаев представляли собой стихийную реакцию на кризис правопорядка, дававший возможность излить свой гнев на церковь и её служителей, которых считали изменниками. Однако и в этом случае имели место антицерковные акции, которые проводились организаторами «прогулок» и некоторыми бойцами анархической милиции, даже когда прихожане не были склонны к расправе над священниками и разрушению церквей.

С другой стороны, было много анархистов, как рядовых, так и лидеров, которые выступали против столь агрессивных антиклерикальных мер. Отдельные анархисты вмешивались, иногда рискуя собой, чтобы остановить или по крайней мере смягчить подобные действия.

Также представляется очевидным, что и в терроре против собственников, помещиков и политических врагов Республики, и в терроре против церкви, его участники руководствовались главным образом идеологическими или политическими мотивами, а не личными. Хотя в подобные действия были вовлечены явно преступные группы, значительное большинство участников не было заинтересовано в получении материальной или иной личной выгоды. Лидеры анархистов упорно боролись с преступными действиями, имевшими под собой личные мотивы, и стремились прекратить их, когда получали соответствующие полномочия.

Наконец, следует отметить различие между теми событиями, которые мы только что обсудили, и двумя другими разновидностями террора, наблюдавшимися во время Гражданской войны. Первой из них является целенаправленное истребление лидеров и членов партий, профсоюзов и других организаций, поддерживавших Республику, по приказу высшего руководства мятежников на подконтрольных ему территориях. Эти действия, возможно с некоторыми исключениями, редко носили стихийный характер, так как у мятежников продолжали действовать военные и полицейские власти, что резко отличалось от ситуации на республиканской стороне.

Во-вторых, насилие и даже террор, которые происходили на республиканской территории в начале войны и в которых анархисты играли важную роль, следует отличать от другого террора, начавшегося после Майских дней в Барселоне.

Аресты, пытки, убийства и другие террористические действия, которые совершались сталинистами после мая 1937 г. – и даже до этой даты – не имели в себе ничего стихийного, не были связаны с испанскими традициями и никак не отражали реакцию испанского народа на прошлые репрессии и угнетение. Они составляли часть стратегии по уничтожению всех противников сталинистов, которые стремились получить абсолютный контроль над Испанской республикой и поставить её на службу интересам сталинского режима в Советском Союзе. Они были спланированы и организованы руководством Коммунистической партии Испании и Коминтерна и советскими агентами ГПУ, военными советниками и дипломатическими представителями в лоялистской Испании.

В отличие от сталинистов, испанские анархисты, как мы отмечали, в первые дни Гражданской войны приняли решение не устанавливать собственный режим в республиканской Испании. Какие бы ни существовали возможности для установления подобной «анархической диктатуры», анархисты очевидно не пытались это сделать в течение войны. И в каких бы террористических действиях анархисты ни участвовали, они не имели такой цели. Они были случайными и стихийными. Это не делает их менее ужасными, если вспомнить о судьбе их жертв, но в этом заключается реальное различие между террористической активностью анархистов и террором, который практиковали мятежники на другой стороне Испании и сталинисты внутри Республики.

Версия #1

Зверобой создал 11 мая 2025 16:16:01

Зверобой обновил 11 мая 2025 16:26:43